

«В Каноссу!»,

или

Как Сергей Чахотин вернулся на родину

М.Ю.Сорокина,

кандидат исторических наук
Архив РАН
Москва

Летом 1921 г. на книжных прилавках Праги появился сборник публицистики «Смена вех», содержание которого бросало вызов той части русской интеллигенции, которая находилась в явной или скрытой оппозиции советской власти. Едва ли не самым ярким и уж точно самым запоминающимся текстом сборника стал манифест политического примиренчества — статья «В Каноссу!»*, подписанная малоизвестным именем — Сергей Чахотин.

Недавний сотрудник пропагандистского отдела Добровольческой армии генерала А.И.Деникина утверждал, что за четыре года войн и революций русская интеллигенция сделала три существенных ошибки: сначала слепо полагалась на народ, затем столь же слепо,

из ненависти к большевикам, стала на сторону Белого движения и, наконец, опрометчиво надеялась на помощь бывших западных союзников России. Теперь, писал Чахотин, пришло время признать ошибочность неприятия большевизма и вернуться на родину (в большевистскую Каноссу) для ее экономического и культурного возрождения.

Казалось бы, после такого публичного выступления сам автор должен стать первым работником на ниве строительства социалистической родины. Однако Сергей Чахотин оказался единственным из «сменовеховцев» — авторов пражского сборника, — кто вернулся в СССР лишь спустя годы после Второй мировой войны. Оказавшись на некоторое время на вершине политико-публицистического Олимпа — не только «Кремль», но и сам Ильич обратили внимание на его призывы, — Чахотин исчез так же быстро и неожиданно, как и появился. Его следы затерялись настолько, что российские историки до сих пор нередко именуют автора «Каноссы» то Чехониным, то Чихотиным, а то и вовсе Челищевым.

Напротив, на Западе славян с мучительно выговариваемой и транскрибируемой фамилией [Tchakhotine / Tchakhotin / Chacotine] давно уже признан «своим» — как выдающийся биолог, один из основоположников

Сергей Степанович Чахотин (1883—1973). Фото 1932 г. Гейдельберг.

современной экспериментальной цитологии и микрохирургии клетки, одновременно страстный антифашист и классик политической философии и психологии, книга которого «Le viol des foules par la propagande politique» («Психическое насилие над массами путем политической пропаганды»), впервые изданная в Париже в 1939 г., поставила своего автора в один ряд с Ханной Арендт, Хосе Ортегой-и-Гассетом, Раймоном Ароном и др.

Многовариантность имени и событийная неординарность судьбы Сергея Степановича Ча-

* Как известно, замок Каносса (Canossa) в Северной Италии стал знаменит в начале XI в. после того, как низложенный германский император Генрих IV вымаливал здесь прощение у папы Григория VII. По преданию, в одежде кающегося грешника Генрих три дня простоял у стен замка, добываясь приема папой. С тех пор выражение «путь в Каноссу» толковалось как метафора унижительной капитуляции и покорности победителю. Между тем адресаты чахотинского послания, имевшие, как правило, классическое гимназическое образование, могли помнить, что хождение и покаяние Генриха IV было не столько «унижением», сколько блестящим политическим маневром, обеспечившим ему возвращение к власти.

В 1891 г. Константинополь.

хотина (1883—1973) — русско-го ученого, художника и революционера, немецкого антифашиста и французского политолога, ровно половину жизни проведшего в Европе, но оставшегося «советским гражданином», — богатый сюжет и для историко-научного исследования*, и для романиста. В фокус нашего внимания он попал в процессе работы над выявлением круга персоналий для биобиблиографического словаря российской научной эмиграции. Недокументированность персональных данных, опора при их восстановлении преимущественно на устную традицию, мемуарные свидетельства или даже научную литературу продолжают порождать или укреплять многие стереотипы восприятия событий советских времен.

Настоящая статья посвящена документированию одного из ключевых эпизодов биографии Чахотина — возвращению на родину в конце 1950-х годов. Несмотря на известность и обширные связи среди европейской научной интеллигенции левого толка, долгие годы на Западе оставалось неизвест-

* В 1995 г. в Киеве издана небольшая монография Ю.И.Посудина «Биофизик Сергей Чахотин».

ным, когда и как ученый вернулся в СССР. Даже Хильда Хардеман — автор капитальной монографии о сменовеховстве [1], ссылаясь на мемуары И.Г.Эренбурга «Люди, годы, жизнь» [2], сообщала, что это произошло в конце 40-х годов, т.е. в период массового возвращения русских эмигрантов после окончания Второй мировой войны. Между тем вплоть до 1957 г. Чахотин оставался во Франции и Италии, предпринимая многочисленные безуспешные попытки получить разрешение на въезд в СССР. Аргументируя «полезность» родине, он написал значительное количество прошений и автобиографий, в которых подробно, хотя и с разными акцентами, излагал основную событийную канву своей жизни. Вот одна из последних, датированная 1956 г. (все авторские особенности текста сохранены) [3. Л.7—9].

«Я, Чахотин Сергей Степанович...

...родился 13 сентября 1883 г. в Константинополе, где мой отец, происходивший из крестьян Костромской губ., был русским консулом. Учился в Одесской 3-ей гимназии, окончил ее в 1901 г. с золотой медалью. Поступил в Московский университет на медицинский факультет, принял участие в студенческом революционном движении, был арестован царским правительством и заключен в Бутырскую тюрьму. Будучи затем выпущен и исключен из университета, уехал в Германию, где учился на медицинском и естественнонаучном факультетах в Берлине, Мюнхене и Гейдельберге.

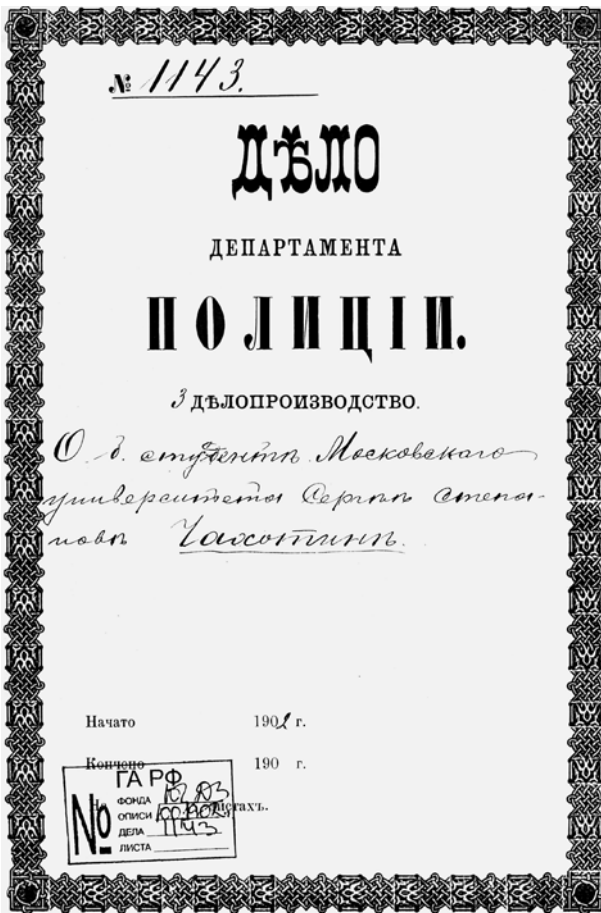
Окончил Гейдельбергский университет в 1907 г., защитив диссертацию «Die Statocyste der Heteropoden» («Структура и физиология органов равновесия у моллюсков») и получив степень доктора естественных наук, Dr. Phil. (по зоо-

логии, физиологии и химии), с высшим отличием (summa cum laude).

Первая печатная работа была «О биоэлектрических токах у беспозвоночных». Работал много раз на морских биологических станциях в Виллафранке, Триесте, Неаполе, Мессине, Гельголанде, Вимере, Монако и Тамарисе. Был ассистентом в фармакологическом институте Мессинского университета, где был заживо погребен в течение 12 часов под обломками обвалившегося дома во время землетрясения в 1908 г. и сильно изранен.

Вернувшись в Одессу, работал научно в университете, затем опять в Гейдельберге у проф. Бюкли и в раковом институте у проф. Черни. В 1912 г. был приглашен академиком Иваном Петровичем Павловым на должность его ассистента по кафедре физиологии при Академии наук. В 1911 г. изобрел и построил первый микроманипулятор, а в 1912 г. в Генуе метод и прибор для операции клеток при помощи ультрафиолетовых лучей: «микроручеукол». Получил премию Академии наук им. К.Э. фон Бэра. Реорганизовал физиологическую лабораторию Академии наук и был послан несколько раз Академией наук в командировки в Виллафранку и в Неаполь с целями научных исследований.

Во время Первой мировой войны был организатором и генеральным секретарем Комитета военно-технической помощи Объединенных научных и технических организаций. Принял участие в Революции 1917 г. и был генеральным секретарем Комитета социально-политического просвещения и затем Совета депутатов трудовой интеллигенции. Состоял в группе Плеханова «Единство». Зимой 1918 г. уехал на Дон и был руководителем ОСВАГа (Отдела пропаганды) в Добровольческой армии. Убедившись в реакционных тенденциях Белого движе-

Дело Департамента полиции, заведенное на Чохотина в связи с его участием в студенческой сходке 10 февраля 1902 г.

Прошение императору Николаю II о смягчении наказания.

3812.
 Его Императорскому
 Величеству
 Государю Императору

Прошение

Бывшаго студента
 Императорскаго Московскаго
 Университета, върноподданнаго
 Вашего Императорскаго
 Величества Сергея
 Степановича Чохотина

Будучи арестованъ 10 Февраля 1902 года, осужденъ и проситъ Ваше Императорское Величество о смягченіи, если возможно, моей участи въ виду того, что попалъ я на сходку 9 Февраля въ Университетъ случайно, изъ любопытства и глубоко раскаиваюсь въ этомъ; ни въ какихъ обществахъ въ Университетѣ я не принималъ участія и мнѣнію противозаконному не сочувствую, какъ върноподданной Вашего Императорскаго Величества и посылу всеподданнѣе прошеу Ваше Императорское Величество снисходить ко мнѣ и проявить о мнѣеи участіи какъ въ виду моей молодости, такъ и слабаго здоровья.

Ваше Императорское Величества
 върноподданной
 Сергей Чохотинъ.

ния, вышел из ОСВАГа и уехал осенью 1919 г. из Новоросийска за границу, порвав все связи с антибольшевистским движением.

Вернулся к научной работе в Париже в Пастеровском институте, в Океанографическом музее в Монако и на русской Зоологической морской станции в Виллафранке.

Написал в 1920 г. свою статью «В Каноссу» для сборника «Смена вех», в которой призывал русскую интеллигенцию прекратить борьбу против Советской власти и принять участие в строительстве социализма на родине; стал одним из руководителей движения сменовеховства. Получил в 1920 г. профессиру в университете в Загребе в Югославии, но благодаря травле русской реакционной эмиграции в Сербии бросил Загреб и уехал в Италию, где был на Генуэзской конферен-

10.12.

ции* и познакомился тогда с Красиным, Чичериным, Иоффе и Воровским. Писал оттуда корреспонденции о конференции в советскую газету «Накануне» в Берлине.

Будучи приглашен Красиным приехать в Берлин помочь ему в деле организации Берлинского торгпредства, переехал туда, стал членом редакционной коллегии газеты «Накануне» и получил советское гражданство в 1922 г. Принял участие в работах Торгпредства, став заведующим организационным отделом его и ревизовал два раза его деятельность по поручению ревизионных комиссий Совнаркомов; был одновременно заграничным сотрудником Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции. Написал в этот период книги «Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике» и «Иностранная литература по Научной Организации Труда» — обе изданы Госиздатом и Издательством НКРКИ. Сотрудничал в советских журналах по вопросам организации и был приглашен «Правдой» и «Известиями» поехать в качестве корреспондента этих газет на процесс убийцы Воровского в Швейцарию, но получил отказ в визе швейцарского правительства.

Заболев тяжело в 1926 г., уехал на юг, в Геную, где работал три года в Фармакологическом институте университета, особенно над проблемами раковых заболеваний.

Получив в 1930 г. по предложению Альберта Эйнштейна премию общества «Research Corporation» в Нью-Йорке, переехал в Гейдельберг, где работал научно в новом Институте медицинских исследований в отделе биофизики.

Наблюдая в Германии факты борьбы Гитлера за власть,

* Первая после Мировой войны международная конференция с участием 28 государств, в том числе СССР, по экономическим и финансовым вопросам (1922).

видя грозящую СССР и всему миру опасность, принял участие в антигитлеровском движении в Германии, стал руководителем пропаганды Железного фронта**. По приходе Гитлера к власти должен был покинуть Институт и Германию и переехать в Данию, в Копенгаген, откуда продолжал бороться с фашизмом в Германии и в то же время работать научно в лабораториях университета.

В 1934 г. переехал в Париж, где работал научно в университетских лабораториях с лучеуколом по физиологии клетки и открыл наличие павловских условных реакций у одноклеточных, а также работал по этиологии рака. Одновременно продолжал бороться политически с нараставшим во Франции фашистским движением. Руководил лабораториями в госпитале Леопольда Беллана и в Профилактическом институте, где меня посетили в 1937 и 1938 г. академики Л.А.Орбели, А.А.Богомолец и проф. М.П.Кончаловский и смотрели мои опыты и новые методы работы. Читал научные доклады на международных конгрессах по физиологии, цитологии и по борьбе с раковыми заболеваниями: в Копенгагене, Цюрихе, Брюсселе, Риме; был приглашен прочесть доклады о своих работах по лучеуколу в Сорбонне в Париже и в Фарадеевском обществе в Лондоне. Получил премии Французской академии наук и Парижской медицинской академии.

Напечатал в 1939 г. в Париже книгу против Гитлера «Le viol des foules»; она вышла также в переводе на английский язык («The Rape of the Masses») в Англии, в Канаде и в Америке.

Война застала меня в Париже, уехать в СССР вовремя не удалось, хотя я подал о том прошение. В 1941 г. я был арестован немцами и посажен

** Антифашистское объединение, созданное социалистической партией Германии.

в концлагерь в Компьене, где пробыл семь месяцев, после чего был выпущен по болезни после вмешательства германских ученых. Книга моя была немцами уничтожена, но они так и не узнали, что я был ее автором.

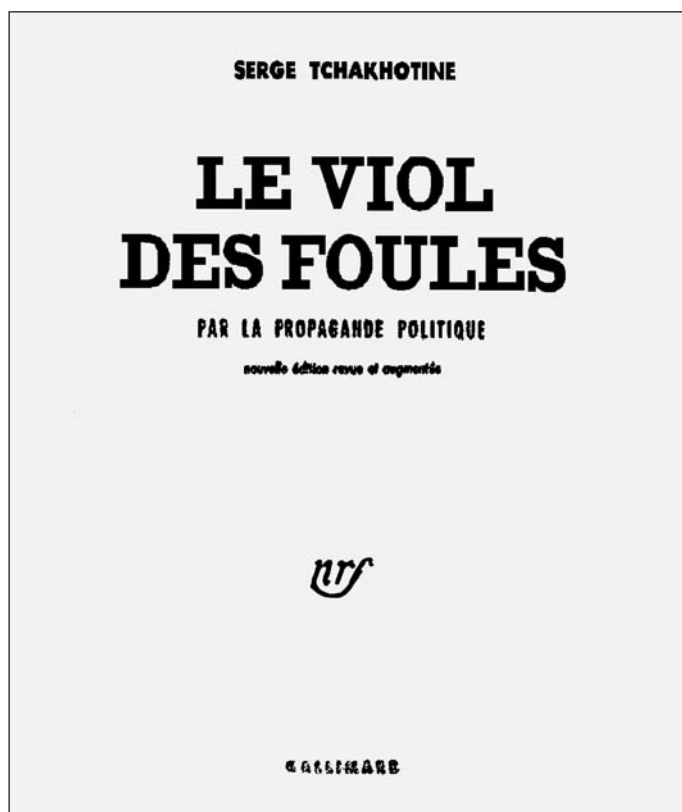
После освобождения Парижа читал лекции на курсах активистов «Советского патриота» и организовал научно-политическое общество «Science-Action-Liberation», а затем Французскую конфедерацию культурных сил (COFORCES), генеральным секретарем которой состоял с 1944 по 1949 г. Задачами обеих этих организаций, между прочим, было также распространять правильные сведения о СССР, вызывать к нему интерес и симпатии в научных и общественно-культурных кругах и бороться против опасности третьей войны и возрождающегося фашизма.

Одновременно я работал научно в Институте физико-химической биологии. Своей деятельностью в названных выше организациях активно способствовал созыву Первого Международного съезда сторонников мира в Париже в 1949 г., идея которого легла в основу работы обеих организаций SAL*** и COFORCES**** с самого их начала в 1944 г., и получила свое полное развитие на двух международных съездах COFORCES в 1947 и 1948 г.

В 1953 г. вышло новое, дополненное и значительно увеличенное издание моей книги

*** SAL — научно-политическое общество «Science—Action—Liberation» (За активность науки для освобождения человечества), организованное Чахотиным в 1944 г.; он был его генеральным секретарем.

**** COFORCES — Французская конфедерация культурных сил («КОФОРС»), генеральным секретарем которой стал Чахотин. Главной задачей была борьба против опасности третьей мировой войны. Эмблема этой борьбы — «перечеркнутая бомба», придуманная Чахотиным в 1946 г., стала символом борьбы против ядерной войны и получила быстрое распространение в других странах.

Обложка и иллюстрация к книге С. Чахотина «Психическое насилие над массами путем политической пропаганды».

о психическом насилии над массами и о тактике фашизма.

В 1955 г. я переехал в Италию, где начал новые работы по целлюлярной фармакологии в фармакологических институтах университетов, сначала в Генуе, а с 1956 г. в Риме, где прочел в конце года большой доклад о моих работах по экспериментальной цитологии и целлюлярной фармакологии.

Живу ныне в Риме в ожидании отъезда в СССР.

Из иностранных языков говорю на восьми и читаю на двадцати.

Профессор, доктор Сергей Степанович Чахотин».

«Возвращенцы» / «невозвращенцы»

Как следует из этой автобиографии, Чахотин, имевший советское гражданство, de jure не был эмигрантом. В какой систе-

ме координат он существовал de facto?

В условиях советского режима, стремившегося к максимальному контролю и ограничению самостоятельного перемещения своих граждан, номенклатура российских «научных мигрантов» XX в. распалась на две неравновеликие группы — «возвращенцев» и «невозвращенцев».

Как известно, юридически «невозвращенцы» стали возникать в России после обнародования Декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., предусматривавшего лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов. После череды бегств ответственных сотрудников Кремля и ОГПУ советское руководство

постановлением ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. окончательно закрепило политический контент юридического статуса «невозвращенца». Невозвращенцами считались граждане СССР, работавшие за границей и «перебежавшие в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства», отказываясь вернуться в СССР [4]. Они объявлялись вне закона, что влекло за собой конфискацию имущества и расстрел через 24 часа после удостоверения их личности.

«Отсутствие» некоторых видных ученых было замечено властью задолго до этого постановления, и еще в 1927 г. под ее давлением АН СССР ввела в новый Устав положение об исключении своих членов «ввиду утраты связи с АН СССР». Всего через год, 15 декабря 1928 г., этот пункт был использован для исключения целой группы академиков и членов-корреспондентов — эмигрантов, восстанов-

ленных в своих академических правах только в 1990 г.*.

В свою очередь группа формальных и неформальных научных «невозвращенцев» оказалась весьма представительна по размерам и тем более по научному авторитету. Несмотря на очевидно репрессивный характер советского законодательства в области гражданства, они в 20—30-е годы продолжали работать за границей, сохраняя советский паспорт, но и не стремясь возвратиться в СССР. Для этих «неформальных невозвращенцев» вопрос гражданства и национально-государственной принадлежности был глубоко вторичен по сравнению с пониманием природы науки как интер- или наднационального института. К этой группе в разные годы принадлежали выдающиеся ученые — естествоиспытатель и философ академик Владимир Иванович Вернадский, физик, будущий Нобелевский лауреат Петр Леонидович Капица, генетик Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский, славист, член-корреспондент АН Николай Николаевич Дурново, академики-химики Владимир Николаевич Ипатьев и Александр Евгеньевич Чичибабин и многие другие. С течением времени часть из них возвратилась в СССР в конце 20-х годов (В.И.Вернадский, В.Н.Дурново), где им были предложены лучшие по сравнению с западом условия работы, а часть, отвергнув в середине 30-х жесткий ультиматум советских властей «вернуться или лишиться гражданства» (В.Н.Ипатьев, А.Е.Чичибабин), стали юридическими «невозвращенцами» и навсегда остались за рубежом**. В то же время немало научных специалистов

* Отметим, что Петр Борисович Струве (1870—1944) — единственный из исключенных в 1928 г. действительных членов Академии не восстановлен в ней до сих пор.

** Кроме того, некоторые «полезные» для советской власти ученые насильно вывозились или оставлялись в СССР, как, например, в 1934 г. это случилось с П.Л.Капицей, а позднее — с Н.В.Тимофеевым-Ресовским.

с советским подданством (как С.С.Чахотин или Н.В.Тимофеев-Ресовский) продолжали работать в европейских научных институтах.

Параллельно постоянному и неиссякаемому движению российских ученых на запад существовал и не менее регулярный, хотя и значительно более скудный, приток научных кадров на восток. Помимо естественной миграции — стремления различных специалистов приехать в страну победившего социализма, беженцев из Германии и других стран, существовали каналы и вполне селективной иммиграции. С середины 1920-х годов советские академики, выезжавшие за границу, имели задание приглашать бывших соотечественников — высококлассных специалистов — в СССР, где им предоставляли отличные условия для работы и жизни. Так, химик-органик, создатель школы химии алкалоидов Александр Павлович Орехов, с 1905 г. работавший за границей (Германия до 1910 г., затем Женева, с 1916 г. Париж), после переговоров с академиком А.Е.Чичибабиным в 1928 г. вернулся в СССР. Здесь Орехов получил специально для него организованный отдел алкалоидов и должность заместителя директора по научной работе Всесоюзного научно-исследовательского химико-фармацевтического института им. С.Орджоникидзе, а в январе 1939 г. избран академиком АН СССР. Однако практика добровольного «возвращенства» не получила большого распространения среди людей науки: например, академик-химик Пауль Вальден, бывший ректор Рижского политехнического института, живший в Германии, отказался приехать в СССР и возглавить кафедру в Ленинградском университете. С течением времени баланс «невозвращенцев» и «возвращенцев» все более складывался не в пользу новой власти.

Кто и как контролировал, регулировал и направлял миграционные потоки ученых в раз-

ные периоды, было ли это результатом целенаправленной политики советского партийно-государственного руководства, отдельных ведомств и научных администраторов или всякий раз спонтанной ситуативной реакцией, ограниченной локальной задачей, остается не проясненным и слабо документированным сюжетом. История возвращения в СССР Сергея Чахотина во второй половине 50-х годов — после XX съезда КПСС, в период начинающейся «оттепели» — показывает, что «внутренний рынок» советской науки не только директивно управлялся «высшими инстанциями», но и был ареной жесткого межличностного столкновения партийных, государственных и научных администраторов.

«Хотя бы в Царевококшайск!»

Хроника послевоенных прошений Чахотина о возвращении в СССР начинается с 1952 г., когда он впервые обратился в посольство СССР во Франции за визой. Не имея ответа, вторично Чахотин направил свои документы уже после смерти И.В.Сталина — в 1954 г. и быстро получил позитивное решение. 24 сентября этого года посол СССР во Франции С.А.Виноградов утвердил «Заключение по ходатайству о въезде в СССР на постоянное жительство местного советского гражданина, профессора Чахотина Сергея Степановича», резюмировав, что «консульский отдел не располагает какими-либо компрометирующими материалами на гр. Чахотина С.С. и ходатайство его о въезде ... поддерживает» [3. Л.41—43].

Через месяц МИД СССР направил запрос главному ученому секретарю АН СССР, академику-химику А.В.Топчиеву о возможности использования Чахотина «по специальности в системе учреждений Академии наук» и получил неожиданно отрицательный ответ. Мотивируя отказ,

высшая советская научная инстанция сообщала, что в учреждениях Отделения биологических наук (ОБН) АН СССР исследования по экспериментальной цитологии не ведутся и потому такие специалисты не нужны [3. Л.38]. Эта формулировка была отнюдь не бюрократическим лукавством, как можно подумать сегодня, но отражала официальную позицию руководства ОБН*. Еще 22—24 мая 1950 г. как раз в этом Отделении состоялось эпохальное совещание по проблеме живого вещества и развития клетки, объявившее «последним словом» советской науки изыскания Ольги Борисовны Лепешинской. В духе времени старая большевичка, поддержанная И.В.Сталиным и Т.Д.Лысенко, носила «реакционера» и «космополита», автора теории «клеточной патологии» Рудольфа Вирхова, классические представления о клетке как «единице жизни», а заодно клеймила и академическую цитологию «прибежищем идеалистов». Сразу после совещания десятки научных оппонентов Лепешинской были изгнаны из Академии наук и университетов, и действительно экспериментальной цитологией в этих учреждениях некоторое время официально не занимались. Тем более академическое руководство не хотело поступлений новых цитологов, да еще с международным научным авторитетом.

Ситуация начала постепенно меняться после кончины Сталина. В 1955 г. на посту академик-секретаря ОБН Опарина сменил известный своими демократическими взглядами и высокой научной репутацией академик-биохимик Владимир Александрович Энгельгардт. По-видимому, кто-то из советских коллег, с которыми Чахотин встречался во Франции и Италии, привлек его внимание к этому знаковому событию, и в январе 1957 г. Ча-

хотин обратился с многостраничными письмами-просьбами о поддержке сразу к президентам двух Академий — АН СССР А.Н.Несмеянову и АМН СССР А.Н.Бакулеву [3. Л.61—64, 77—80], а также к ряду академиков-биологов, в том числе к Л.А.Орбели.

Надежда на новых людей в академическом руководстве оправдалась. Заручившись поддержкой коллег, 30 мая 1957 г. В.А.Энгельгардт сообщил в Иностранный отдел АН, что по «общему мнению академика Орбели, академика Быкова, члена-корреспондента Насонова — к этому мнению присоединяюсь и я, ... в лице проф. Чахотина С.С., в случае его приезда в СССР, советская наука приобрела бы весьма квалифицированного, эрудированного, творчески активного работника, для которого могла бы быть найдена соответствующая его специализации область работы в Институте цитологии АН СССР» [3. Л.82]. Несомненно, решающим стало мнение выдающегося цитолога Дмитрия Николаевича Насонова**, члена-корреспон-

** Семейные обстоятельства Д.Н.Насонова (1895—1957) делали его особенно чувствительным к теме эмиграции. Он был сыном академика-биолога Н.В.Насонова (1855—1939) и Е.А.Корниловой, родной сестры известного историка и секретаря ЦК кадетской партии А.А.Корнилова. В семье было еще трое детей, и все оставшиеся в СССР братья сделали хорошую карьеру: Арсений (1898—1965) стал историком-медиевистом, сотрудником Института истории АН СССР, доктором исторических наук; Всеволод (1900—1987) — ведущим инженером-строителем, доктором технических наук, одним из авторов проектов МГУ на Ленинских горах, лауреатом Сталинской и Ленинской премий. Единственная дочь в семье — Антонина (Нина) Николаевна (в первом браке Сеземан) — в 1919 г. эмигрировала из России, жила в Париже, где вместе со своим вторым мужем, Николаем Андреевичем Клепниным, входила в круг евразийцев, работавших на советскую разведку. В 1937 г., после убийства И.Рейсса, всей семьей (муж, два сына и дочь) они вернулись на родину, вместе с М.И.Цветасовой и ее семьей жили в Болшево на даче НКВД. Арестована в ночь с 6 на 7 ноября 1939 г. в доме отца, академика Н.В.Насонова, и расстреляна. Подробнее см. [5].

дента АН СССР и академика АМН СССР. В первые послевоенные годы он заведовал в ЛГУ кафедрой общей и сравнительной физиологии и возглавлял знаменитый Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), однако после выступления Лепешинской лишился всех академических позиций, оставшись лишь с группой из трех человек в ИЭМ и небольшой лабораторией из четырех человек в ЛГУ. Ослабление влияния лысенковцев в АН СССР после смерти Сталина и приход Энгельгардта позитивно сказались и на судьбе Насонова, вернувшегося к активной работе в АН и вскоре добившегося решения об организации Института цитологии (постановление Президиума АН СССР от 22 февраля 1957 г.). Именно этот институт имел в виду все тот же А.В.Топчиев, когда в июле 1957 г. сообщил в МИД, что теперь АН СССР может трудоустроить Чахотина в Ленинграде [3. Л.81].

Казалось бы, патронаж МИД и АН СССР открывали Чахотину дверь в СССР, однако новым препятствием оказался «квартирный вопрос», который ни одно из ведомств не хотело решать самостоятельно. Верный своей тактике атаковать советские инстанции публичными обращениями, осенью 1957 г. Чахотин написал и отправил в СССР «Записку к делу о возвращении на родину» [3. Л.55—58об.], в которой сформулировал возможные, по его мнению, причины неудач своих ходатайств и способы их преодоления.

Среди причин он выделил три наиболее вероятные: «определенно враждебное отношение ко мне решающих инстанций», «халатное отношение тех, от кого зависело принять соответствующее решение и меры» и «бюрократическая волокита в учреждениях (Академия наук или МИД)». «Инстанции» и МИД Чахотин отверг сразу: «Если бы за мной значилась хотя бы тень враждебности к Советскому Союзу и его политике или отноше-

* Отделение биологических наук возглавлял сторонник «народного» академика Т.Д.Лысенко академик-биохимик Александр Иванович Опарин.

Возвращение

18 91
★
VIVU ESPERANTO!
уф-микро-скальпель 1912
Против Гитлера 1932
Против ядерной войны 1945-1963

НА ПАМЯТЬ
от
доктора биологических наук,
доктора философии
Гейдельбергского Университета
Сергея Степановича
ЧАХОТИНА

ЗАДАЧИ : 1963... ЦЕЛИ:
Разоружение
СВОБОДА (от страха)
Наука СЧАСТЬЕ
Медицина РАВЕНСТВО
Педагогика ТРЧА
Эсперанто БЛАГОВЕЩАНИЕ
Искусство МИР (дипломатия)

★ 1883 †

*Тяжело усталому
Тяжело Михайлову Франку
с капитулантом Бобеланским
здоровья и успешной научной
работы.
С.С. Чахотина
И вот уже 80-летие 26 сент 1963*

Фрагмент письма Чахотина, посланного Г.М.Франку 26 сентября 1963 г.

ние, выражавшееся во вредительстве, то ясно, что наши консульства не продлевали бы каждый год в течение 35 лет мой заграничный вид на жительство, выданный мне в 1922 г. советским посольством в Берлине». Более вероятным очагом неприятия он пронципально считал научную среду. Те, кто знал его лично, скончались, а более молодые «в силу недостаточных контактов с мировой наукой» не знали его имени и работ. Кроме того, замечает Чахотин, «в то время, как математика, физика, химия, астрономия и, конечно, техника, сделали у нас на родине огромный шаг вперед, этого, к сожалению, отнюдь нельзя сказать о биологических науках: они, после системы Павлова, пока в загоне».

В конце «Записки» Чахотин набросал «проекты найти выход

из положения, создавшегося в результате задержек в отъезде на родину»:

«1. Не обратиться ли мне к общественному мнению в СССР, например, помещением в «Правде» статьи на тему «о непонятных бюрократических помехах в деле возвращения советского ученого на родину?»

2. Не обратиться ли к Никите Сергеевичу Хрущеву с изложением моего «хождения по мукам» и с просьбой помочь мне, старому социалисту, прибыть на родину и быть ей полезным своими научными знаниями и опытом? Он, как живой и отзывчивый человек, наверное, найдет возможность это сделать.

3. Столько иностранных ученых приезжает ежегодно в СССР знакомиться с состоянием науки у нас и с целью знакомить наши научные круги с ре-

зультатами своих работ. Неужели мне, советскому ученому, имеющему за собой целый ряд работ и открытий, поразивших заграничные ученые круги в Германии, Англии, Франции, Италии, Дании, а также видевших мою методику за границей И.П.Павлова и А.А.Богомольца, невозможно приехать на родину, хотя бы на гастроли, т.е. чтобы прочесть доклады о своих работах в наших ученых учреждениях?

4. Я, работавший в лучших лабораториях и институтах Европы, думал ехать, совершенно естественно, в наши научные учреждения в одной из столиц. Говорят, что помеха этому — квартирный кризис в столицах. Так пусть же мне дадут визу куда угодно, хотя бы в Царевкокшайск! Уж там-то, наверное, перенаселения не наблюдается.

5. Или, если бюрократические навыки в наших научных учреждениях еще не изжиты и мешают мне, советскому ученому, приехать вскоре на родину и быть ей полезным своими знаниями, то, может быть, я могу получить работу и, следовательно, визу на въезд по другому ведомству, например, по МИД — ведь говорю на восьми языках и читаю и понимаю еще на двенадцати других и хорошо осведомлен в политическом положении всех европейских стран за последние десятилетия, так как всегда интересовался политикой. Думаю, что могу быть полезен родине хотя бы этим, не говоря уж о том, что всегда смогу зарабатывать на жизнь себе и сыну литературной или публично-лекторской работой.

6. Неужели же мне, ученому с известным повсюду за границей именем, представленные мною отзывы восемнадцати крупнейших европейских, советскому гражданину и старому социалисту, которому жизнь на Западе опротивела, нужно ехать в Китай, Египет, Сирию или на Луну?»

Хотя на «Записке» не указаны «адресаты», но она явно достигла их и произвела впечатление. Вскоре решение «дела Чахотина» перешло на уровень первых лиц, причем на этот раз инициа-

тором выступала сама АН СССР. 23 октября ее президент А.Н.Несмеянов, подтвердив согласие взять ученого на работу, просил министра иностранных дел СССР А.А.Громыко возбудить от имени МИД ходатайство перед Советом Министров СССР о предоставлении Чахотину квартиры в Ленинграде [3. Л.50—51]. После вмешательства на таком уровне Исполком Ленинградского горсовета уже 22 ноября рапортовал, что «Чахотин С.С. по приезде в Ленинград будет обеспечен жилой площадью» [3. Л.49].

Еще через месяц, 24 декабря последовало распоряжение Президиума АН СССР о назначении С.С.Чахотина старшим научным сотрудником Института цитологии АН СССР [3. Л.95] и его возвращении в СССР. Жизнь на родине оказалась столь же трудной и тернистой, как и путь к ней; впрочем, это уже сюжет для другого рассказа.

Эпилог

Сергей Степанович Чахотин скончался в Москве на католическое Рождество 1973 г. В феврале 2006 г. в берлинском Музее фотографий Хельмута Ньютона открылся «Макроскоп», гигантская аудиовизуальная инсталляция, метафора вечного жизнен-

В последние годы жизни.

ного круга человеческого духа — его скитания, борьбы и возвращения к себе. Сквозь главный научный инструмент Чахотина — микроскоп, автор инсталляции — его правнук, художник Борис Чахотин-Харс* попытался взглянуть на судьбу прадеда и нескольких поколений своего рода в пространстве и масштабе Большой Истории. Оказалось, они связаны «одной цепью», но понять эту связь можно только используя оптику макроскопа. ■

* Инсталляция выполнена совместно с Хансом Нельсом.

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ (№05-03-03101а).

Литература

1. *Hardeman H.* Coming to Terms with the Soviet Regime. DeKalb, 1994.
2. *Эренбург И.* Собр. соч. Т.8. М., 1964.
3. Архив РАН. Ф.411. Оп.58. Д.2318.
4. СССР. Собрание законов. 1929. №76.
5. *Никольский Н.Н., Розенталь Д.Л.* // Вестник РАН. 1995. Т.65. №10.